

**К ВОПРОСУ О РОТАЦИИ КАДРОВ
ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО АППАРАТА
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В 1933 Г.**

Проблемы формирования корпуса советских региональных руководителей 1930-х гг., взаимоотношений центра и регионов, несмотря на проявляемый к ним интерес, все еще нечасто становятся предметом самостоятельного исследования в исторической или политологической литературе.

Практически не исследованными остаются конкретные случаи масштабных изменений состава региональных партийных и советских аппаратов. Именно такая ситуация сложилась в 1933 г. в Восточно-Сибирском крае.

По сути, единственный исследователь, обратившийся к этой проблеме, хотя и только в контексте «кадровой революции» 1937 г., – красноярский историк А. И. Ильин. События 1933 г. при этом им рассматриваются очень схематично, лишь в качестве необходимого исторического экскурса, поскольку именно в результате произошедших тогда изменений в пределах Восточной Сибири оказались лица, ставшие жертвами этой самой «кадровой революции». Ситуация 1933 г. трактуется следующим образом: «В 1932–1934 годах разразился экономический кризис, который сопровождался партийной чисткой. По сигналам озлобленного населения сотрудники Центральной контрольной комиссии Емельян Ярославский и Оскар Рывкин обнаружили коррупцию в аппарате Восточно-Сибирского края и его районов. Тем временем управленческая машина края полностью развалилась. <...> Политбюро заменило секретаря крайкома Леонова на “казанского бригадира” Михаила Разумова. Часть управленцев выгнали, наиболее одиозных посадили, а неповоротливую административную единицу разделили» [2]. Такой схематизм, оправданный в контексте исследования репрессий 1937 г. в Красноярском крае, тем не менее, создает очень далекую от реальной картину произошедшего. При таком подходе произошедшее приобретает характер стихийно осуществившейся делегитимации краевой власти, чему не в состоянии противостоять и с чем вынужден считаться ЦК ВКП (б), произведший замену руководства края в результате «сигналов озлобленного населения». В рамках данной статьи попробуем разобраться: что же в действительности привело к массовой ротации партийных и советских кадров в Восточно-Сибирском крае в 1933 г.

Представляется, что одной из основных причин, давших толчок к развитию событий в Восточной Сибири, стал Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 7-12 января 1933 г., на котором было отмечено, что в условиях утверждения принципа социализма во всех сферах народного хозяйства «борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти, – является одной из основных задач диктатуры пролетариата» [1, с. 211].

Поводом, привлечшим особое внимание ЦК ВКП (б) к Восточно-Сибирскому краю, стало письмо первого секретаря Краевого комитета ВЛКСМ Алексева, в котором сообщалось о «неблагополучном состоянии» в крае и, в частности, многочисленных фактах хищений как раз социалистической собственности, в причастности к которым обвинялся ряд первичных партийных организаций. Сообщение Алексева полностью соответствовало установкам последнего пленума – и потому не осталось без внимания. Сейчас практически невозможно достоверно установить, чем руководствовался Алексей, отправляя письмо в ЦК, не поставив в известность о нем руководство Крайкома ВКП (б). Возможно, причиной был понимаемый таким образом долг коммуниста. Но более вероятной представляется версия, что, будучи достаточно новым человеком в крае – избран первым секретарем Восточно-Сибирского крайкома ВЛКСМ он был только в июне 1932 г., Алексей не смог найти общий язык с уже сработавшимся составом крайкома ВКП (б). И, отправляя письмо, мог одновременно рассчитывать на привлечение внимания ЦК к собственной персоне – с перспективой своего отзыва в распоряжение ЦК или, по меньшей мере, перевода из Восточно-Сибирского края и/или приобретения таким способом явно недостающего ему авторитета в краевом руководстве.

Результатом этого письма стали включение Восточно-Сибирского края в число регионов, в которых чистка должна была быть проведена в первую очередь [4, с. 112] и решение ЦК об укреплении краевой комиссии по чистке командированием в Иркутск целой группы опытных работников, привлеченных из различных органов – ЦК ВКП (б) и ВЛКСМ, ЦКК РКИ, ОГПУ, ПУРа, прокуратуры и т. д.

5 мая 1933 г. первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП (б) Леонов, подчиняясь требованиям ЦК, объявил о начале партийной чистки в крае с 1 июля 1933 г. [3, с. 112].

То, что чистка стала нежелательным явлением в Восточно-Сибирском крае, наиболее ярко проявилось во взаимоотношениях краевых партийных организаций с комиссией по чистке. Еще до начала официальной чистки по некоторым организациям были распространены записки следующего содержания: «Чистка начинается, не выдавать секреты» [5, с. 131]. Однако возможности контроля крайкома за деятельностью Контрольной комиссии – учитывая ее «усиленный» прикомандированными ЦК работниками состав – оказались явно недостаточными, чтобы не допустить «выноса сора из избы».

И уже к середине августа информации, поступающей в ЦК ВКП (б) от Контрольной комиссии, оказалось достаточно, чтобы 15 августа принять постановление «О неблагополучном состоянии в Восточно-Сибирской организации». Представляется, что уже этим постановлением была предreshена замена всего краевого руководства. 26 августа было принято решение Политбюро продлить сроки чистки до конца декабря «в связи с неблагополучным положением в отдельных регионах, где она проходила» [7, с. 28].

28 августа на заседании бюро крайкома ответственный секретарь партколлегии ЦКК и член центральной комиссии Е. М. Ярославский подверг резкой критике деятельность крайкома, обвинив его в широко распространенной практике самоснабжения и выдачи продукции по так называемой «записочной системе».

То, что происходило в последующие 1,5 месяца – до 18 октября, когда решением ЦК ВКП (б) Ф. Г. Леонов был снят с поста первого секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП (б) и отозван в распоряжение ЦК, – можно рассматривать в качестве своеобразного процесса инициируемой союзной властью делегитимации краевого руководства, значительная роль в котором была отведена СМИ, т. е., прежде всего, центральной «Правде», краевой «Восточно-Сибирской правде», а также районным «Красноярскому рабочему» и «Забайкальскому рабочему».

В течение августа–сентября 1933 г. ситуация в Восточной Сибири не менее 4 раз становилась темой крайне нелицеприятных публикаций в «Правде», которые затем – в обязательном порядке – перепечатывались местными изданиями [10; 16; 17; 18] и становились предметом обсуждения на партийных собраниях разного уровня.

Помимо перепечатанных, на страницах местных газет стали появляться и самостоятельные критические материалы [11; 13]. Особо сенсационными оказались публикации в «Красноярском

рабочем», разоблачавшие «разбазаривание» фондов «Востсибпушнины» на сумму 2 млн 67 тыс. руб., в причастности к которому – через систему «записочек» и «самоснабжения» – было обвинено фактически все городское руководство [12 и др.].

Однако развернувшийся процесс публичной критики на страницах печати не затрагивал непосредственно краевое руководство, обвинения в адрес которого ограничивались, главным образом, указаниями на «необеспечение руководства», «недостаточную бдительность» и т. д. Но начавшийся процесс «гласности» – в одном отдельном взятом крае – привел к тому, что 21 сентября 1933 г. на кустовом собрании в Комвузе один из выступавших в прениях, Злобин, привел факты разбазаривания 900 т мяса в Мясотресте и продукции колбасной фабрики, которая разошлась по «записочкам». В числе самоснабженцев были названы первые лица партийного и советского руководства края – Леонов, Козлов, Пушкарев, Букатый, Добрый [6, с. 170]. На следующий день присутствовавший на этом собрании секретарь крайкома ВЛКСМ Алексеев обратился в Контрольную комиссию с просьбой проверить обнародованные Злобиным факты.

Параллельно с этим – уже с конца августа – курировавшим процесс партийной чистки в Восточной Сибири членом ЦКК Е. М. Ярославским начинает проводиться работа, фактически направленная на формирование общественного мнения в отношении нового руководства края, уже, по всей вероятности, определенного ЦК ВКП (б). Иным образом невозможно объяснить приведение в качестве примера для подражания именно Татарии, ни экономические, ни климатические, ни территориальные характеристики которой не сопоставимы с Восточной Сибирью.

25 октября было принято Постановление Восточно-Сибирского крайкома ВКП (б) «согласиться с решением ЦК ВКП (б) от 18 октября о снятии т. Леонова с поста первого секретаря Крайкома ВКП (б) как не справившегося с работой и откомандировать в распоряжение ЦК ВКП (б). Избрать первым секретарем Крайкома т. Разумова. Кооптировать т. Разумова в состав пленума и бюро Крайкома ВКП (б). <...> В соответствии с решением ЦК предложить тов. Леонову вести работу до приезда т. Разумова и сдачи ему дел».

При этом, еще до приезда М. О. Разумова, в печати стали появляться публикации очень схожего содержания, критически оценивавшие работу отстраненного руководства крайкома и возлагавшего большие надежды на новое: «Бюро Крайкома и его

первый секретарь тов. Леонов оказался неспособным осуществить это (оздоровить районные организации. – М. Л.). Но это будет осуществлено во что бы то ни стало под руководством испытанного большевика тов. Разумова, рекомендованного ЦК партии <...>. Татария, где тов. Разумов был до этого секретарем областного комитета партии, заняла первое место в союзе по всем показателям. И нет никаких сомнений в том, что, возглавляя краевой комитет партии, тов. Разумов, под руководством ЦК партии и тов. Сталина, при широкой поддержке и помощи со стороны краевой организации, поведет край по пути побед, по пути превращения из неблагополучного в передовой» [15].

Наряду с Леоновым, в распоряжение ЦК откомандировывался целый ряд партийных и советских работников: Снегов – секретарь Иркутского горкома, Давыдов – зампредкрайисполкома, Добрый – зампредкрайисполкома, Жидовкин – секретарь партизанской комиссии, Буранов – помощник Леонова, Серганов – помощник Козлова, Деева – завкрайпарткурсами, Базылев – управделами Крайкома, Васильева – оргинстр Маратовского РК, Бахмачев – зав. планово-экономическим сектором КрайЗУ.

Партийная чистка продолжалась до конца 1933 г. 20 декабря на очередном заседании Политбюро был поставлен вопрос о разбазаривании в Восточно-Сибирском крае фондов специального назначения. Было дано поручение Акулову (от прокуратуры), Сулимову (от ЦК) и Ярославскому (от ЦКК) немедленно выехать на место для проверки все работы в Восточной Сибири и довести до конца расследование всех ставших известными ЦК актов разбазаривания фондов [7, л. 2]. Расследование было завершено к марту 1934 г., и результаты его оказались неожиданно мягкими для уже бывшего руководства Восточно-Сибирского края: Леонову, Козлову, Букатому и ряду др. товарищей были всего лишь объявлены выговоры.

Алексеев, с письма которого все началось, тоже не остался в Иркутске: в феврале 1934 г. он был отозван в распоряжение ЦК ВЛКСМ, для работы в КИМе [3, л. 7].

История эта обрела всесоюзную известность. Год спустя «Правда» упоминала о ней как об общеизвестном факте: «Свежи еще в памяти ошибки прошлого, около года назад смененного руководства Восточной Сибири. Существо этих ошибок состояло в том, что здесь кое-кто начал смотреть на государственные средства как на свои собственные, а руководство или проходило мимо этих тенденций, или затушевывало их. Здесь стали забывать не-

однократные предупреждения товарища Сталина о том, что «коммунист иногда считает законы государства и т. п. делом семейным. Именно поэтому иному коммунисту не стоит иногда большого труда перешагнуть, на подобие свиньи (извиняюсь, товарищи, за выражение), в огород государства и хапануть там или показать свою щедрость за счет государства».

К сожалению, кое-то пошел по стопам бывших восточно-сибирских руководителей» [14].

Литература

1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 7-12 января 1933 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 13. – С. 159-233.

2. Ильин А. Кадровая революция в Красноярске. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/articles/KP/1/07.htm>

3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 411.

4. ГАНИИО Ф. 123. Оп. 1. Д. 430.

5. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 449. Л. 131.

6. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 455. Л. 170.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 929. Л. 2.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп 3. Д. 936. Л. 2.

9. До конца вскрыть все недостатки Иркутской городской парторганизации // Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 26 сент.

10. Зенушкин Ст. Руководители новые, а практика старая (корреспонденция, опубликованная в ЦО «Правда» 9 сентября) / Ст. Зенушкин, В. Голиков // Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 16 сент.

11. Карнаухов Г. Агент классового врага руководит Братским РИКом // Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 8 сент.

12. Кузнецова Кр. Красноярская база Востсибушнины растраниживает советское добро // Краснояр. рабочий. – 1933. – 28 сент.

13. Наследие разложившегося Н-Удинского руководства еще не изжито // Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 16 окт.

14. Отличительная черта большевика – бдительность и скромность // Вост.-Сиб. правда. – 1934. – 21 авг.

15. По-большевистски взяться за ликвидацию отставания сельского хозяйства края // Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 30 окт.

16. Семейственность в Восточно-Сибирской парторганизации (корреспонденция, напечатанная в ЦО «Правда» // Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 8 сент.

17. Серьезный сигнал (корреспонденция, помещенная в ЦО «Правда» от 31 августа) // Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 2 сент.

18. ЦО «Правда» о чистке в Восточной Сибири // Вост.-Сиб. правда. – 1933. – 14 авг.